СПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ — МИМО!

Елена Стрельцова, главный редактор газеты «Нейва», город Новоуральск, Свердловская область

Если с детства кто-нибудь и мечтал стать журналистом, то это не я. Я тыкала в кукол шприцами, в каникулы работала санитаркой и однозначно собиралась в медицинский, чтобы быть врачом. Как папа

Как я стала редактором. Откровение № 5

КОГДА СЛУЧАЙ — БОГ ДУРАКА

То, что я буду врачом, в семье даже не обсуждалось. Но... баллов в мединститут мне не хватило. Мечта рухнула.
Поступить в те годы в вуз с годовым перерывом после школы могла помочь только рабочая профессия, поэтому пришлось идти на завод. На заводе делали корпуса для бомб.
Помню запах горячего металла, машинного масла, гул прессов, и если сегодня оказываюсь на производстве, чувствую себя своей и скучаю.
Завод приручил меня к себе на несколько лет. Я была шустрой, меня быстро выбрали комсоргом большого цеха, и мой фонтан общественной жизни было не заткнуть.

Наверное, поэтому обо мне вдруг решила написать заводская газета «Трудовая вахта», изменившая мою жизнь навсегда. Моя мама до сих пор хранит этот пожелтевший листок с портретным очерком обо мне.
Потом мы подружились с его автором Оксаной Зорниковой, а когда она стала поступать на журфак, вместо себя привела в редакцию меня.
— Возьмите Стрельцову, — сказала она. — У нее язык смешной.

Так я оказалась в заводской многотиражке, которая открыла мне путь в профессию. И очень благодарна моему первому редактору Алле Васильевне Кравцовой, чутко правившей мои неуклюжие тексты.
Вот так, нечаянно, я стала журналистом.

Впрочем, нам только кажется, что все в жизни происходит нечаянно, а случай — бог дурака.

Уже потом я выяснила, что брат моего деда Виктор Ефимович Бузунов, а в девичестве я Бузунова, был журналистом. Окончил Московский коммунистический институт журналистики — КИЖ.
С 1932 по 1935-й годы работал редактором газеты «Звезда» в Невьянске, где и мне тоже, спустя 60 лет, довелось поработать.
А потом, в 1935-м, стал одним из тех, кто основал в нынешнем Екатеринбурге факультет журналистики. Тогда он назывался Свердловский КИЖ. Его торжественно открыли 2 апреля 1936 года.
Как я вычитала в истории становления факультета, заведующий учебной частью и заместитель ректора Виктор Бузунов *«в сравнительно короткий срок создал сносные условия для начала учебного процесса, а у института появилось собственное здание»*.
Возможно, он улыбался, глядя сверху на меня, психическую, ожидавшую итогов зачисления на заочное отделение нашего журфака на прокуренной лестнице четвертого этажа...

Я училась, работала, растила сына и летала на крыльях от возможностей новой профессии. Меня несло по этому тоннелю, только успевай набирать воздуха в легкие.
Правда, каждый раз, возвращаясь с очередной сессии в университете, я заставала у порога свой чемодан — мой первый муж не считал, что для семьи это нужно.
Но, как говорит мой брат, гены деда бродили по родне и выбрали меня. Хотя несостоявшуюся медицину иногда все-таки жаль...
О двоюродном деде я никогда не рассказывала, и рада, что выдалась такая возможность.

В СУД КАК НА РАБОТУ

В редакцию «Нейвы» я приходила дважды.
Первый раз — заместителем главного редактора, а по сути — играющим тренером. Это были прекрасные перестроечные и постперестроечные годы, когда еще была жива журналистика. Когда ты мог говорить и писать то, о чем думаешь, когда профессия могла двигать горы.
Я писала о нахлынувшей на город волне наркомании и находила точки сбыта там, где их не собиралась искать милиция, выводила на чистую воду прокуратуру, которая отбивала себе жилье, отодвинув инвалидов, писала о бандитах, раскапывала мошеннические схемы сбора денег на сирот, встречалась с жертвами маньяка, закрывала бараки, бродила по помойкам, переодевшись бомжом...
В суд я ходила почти так же часто, как на работу. «Герои», включая прокуратуру, все время хотели заткнуть автора и редакцию, поэтому редакция постоянно судилась.
Вспоминая об этом с сегодняшней колокольни, я понимаю, как благодарна моему тогдашнему редактору Татьяне Казаковой не только за доверие, но и за ту опору, которую я всегда видела в редакторе и редакции.
К слову, почти все суды мы выигрывали.
Помню, когда меня понесло по точкам сбыта наркотиков, в суд сходила половина редакции — от водителя до редактора, поскольку я проходила по делу свидетелем, а сбытчика наконец посадили. Из фактов, его характеризующих, достаточно сказать, что он откусил нос овчарке, которая пыталась его задержать.
После серии моих публикаций о наркомании в городе появилась первая программа по борьбе с нею. До этого прокурор швырял очки по столу и газету — в начальника полиции.
У всех этих историй есть одна прекрасная сторона — видимо, пытаясь оградить меня от дальнейших творческих изысканий, а от некоторых реально ужасаясь, адвокат, который ходил со мной по судам, стал моим нынешним мужем.

Сейчас на нашу редакцию редко подают в суд. Может, потому, что явного бардака в стране стало меньше, а может, и пишем уже о другом.
Но однозначно печалит то, что приходящих на лето в редакцию практикантов мне ни разу не удалось отправить к бомжам или на помойку. Им это уже неинтересно.

ГЛАВНОЕ В РЕДАКЦИИ — ЭТО ВОЗДУХ

Из «Нейвы» я ушла после того, как мой муж занялся партийным проектом, после чего мне мягко объ-

яснили, что проект не соответствует правильной линии правильной партии. Время в стране наступало другое.
Потом была работа в региональных изданиях, и даже корпоративном СМИ, которому удалось поменять лицо и содержание.
А через несколько лет меня вдруг снова позвали в редакцию:
— Приходите, Елена Владимировна, главным редактором. Вы сможете. И ребята вас любят, — позвонила мне Татьяна Егоровна.
И я, бросив Екатеринбург, вернулась в Новоуральск.
Ты всегда учишься не только на своих ошибках, но и на чужих тоже.

Правило первое: мне как редактору все равно, каких политических взглядов придерживаются мои сотрудники. Наоборот: опереться можно только на то, что оказывает сопротивление. И это не про физику.

Второе. Ты — не бронзовый. И не «без меня тут все рухнет». Не рухнет. Не надейся.
Берегись от заносов. Ты, конечно, за все отвечаешь, но ты не истина в последней инстанции. Слушай коллег и советуйся. Убережешь себя от ошибок.
Не бойся сильных. Наоборот, радуйся им и продвигай их.
Делегируй и доверяй. По возможности, старайся быть справедливым.

Все-таки главное в редакции — это воздух. Атмосфера, где каждый может чувствовать себя спокойно, где есть доверие и чувство локтя. Управляй климатом.
Мне важно, что в нашей редакции, как мне кажется, есть этот воздух. Возможно потому, что основная часть коллектива работает давно и знает друг друга как облупленного. И каждый в редакции — профессионал, на своем месте. Мне и впрямь повезло.

Когда я бываю на семинарах или командировках и вижу своих коллег, контролирующих по телефону свою редакцию или правящих полосы прямо в телефоне, радуюсь, что лишена такой заботы — мои меня не подведут.

Радует, что и новые люди, приходящие к нам, встраиваются довольно органично. Мы действительно как большая семья, со своими горестями, радостями, усталостью и взлетами.

«ХЭППИ БЁЗДЭЙ» И МАЯЧОК

Пожалуй, самым трудным для нас было время, когда мы, взявшись за редизайн газеты самостоятельно,

тыкались в это дело как слепые котята — искали свой путь.
Помню, как всем составом журналистов приехали на семинар Владимира Касютина, гордые, что уж сейчас-то нас оценят. А потом медленно стекали под стулья после недоуменного вопроса Владимира Леонидовича:
— А что, собственно, стало с газетой?
— Ну, это ж номер просто неудачный, — мямлили мы, готовые провалиться под землю.
Грустные, понуро побрели домой. Но не сложили рук, не отчаялись, листали «Журналистику и медиарынок», пересматривали семинары Касютина и Скоробогатько, лихорадочно пересматривали чужую верстку — а как другие? Искали, меняли, перестраивали себя, ругались.

Нам хотелось быть лучше! Мы, как подростки, перекраивали свою маловатую одежку, делали первые шаги в инфографике. Помню тираж с первым серьезным разворотом — картой ремонта дорог — и рыдающего дизайнера Аню Молодожён, потому что типография «запорола» нам цвет.
А спустя какое-то время мы увидели одну из наших полос на семинаре Владимира Касютина:
— А посмотрите, как делает «Нейва»!
Это был даже не «хэппи бездэй». Это был свет в конце туннеля. Маячок, вглядываясь в который, ты понимаешь — во-о-он туда надо идти! Ты правильно идешь!
— Иди, подойди к Касютину, спроси про сетку. Какую нам надо сетку. Иди, — все равно бубнит мне в ухо Юра Доронин.
— А что у вас с сеткой? Нормальная сетка. Есть же она у вас.
— Аа-а-а. У нас нормальная сетка! — это уже я ору в телефон, звоня в редакцию.
И даже после первого диплома, когда отмечают газету, ты еще сомневаешься и думаешь, что это получилось случайно. И только когда ищешь на стене еще один гвоздик, начинаешь догадываться, что мы тоже чего-то смогли.
Однако сегодня ситуация в медиа меняется настолько стремительно, что твои вчерашние компетенции могут быть уже никому не нужны. Выход один — нельзя успокаиваться, нужно по-прежнему искать и учиться.

Одним из учителей долгие годы остается наш «ЖиМ», терпения, сил и аллилуйя его создателям — Владимиру Касютину и Михаилу Вяткину.
Я внимательно слежу за коллегами, особенно за теми, кто «10 лучших». В последнем номере порадовалась отличной идее «Пензенской правды» со спецвыпуском газеты в зону СВО. Слежу за работой в интернете «Амурской правды». Думаю, как бы заработать так, как «Голос правды»...
Цели на ближайший год, в принципе, те же — удержать планку и тираж. Принт все равно приносит сегодня больше дохода, чем интернет-площадки, где много конкурентных предложений и, соответственно, демпинг.
Удерживать планку с каждым годом сложнее — люди меняют формат медиапотребления, а конкурировать с интернетом невозможно. Значит, надо предлагать уникальный продукт, а с проектами выходить за рамки издания.
Что еще? Собрались вот купить квадрокоптер — будет больше возможностей для фото и видео. Есть мечта выходить из редакции с прямыми эфирами, даже оборудование еще год назад купили. Но нет на это ни сил, ни времени — задачи наслаиваются, а штат и функционал остаются прежними.

«ЗАЧЕМ МНЕ ТВОЯ ГАЗЕТА?»

Какую долю времени я уделяю редакции, а какую — внешним деловым связям? Думаю, редакция занимает процентов 80 моего времени. Но и без отстройки коммуникаций тоже никуда.
После последних выборов в местную Думу, куда я избралась уже в четвертый раз, ребята в редакции подарили мне открытку. На ней нарисована коробка с надписью «спокойная жизнь» и стакан, мимо которого эта спокойная жизнь льется. На стакане написано — «я».
Я согласна. «Спокойная жизнь — мимо» — это моя норма.
Можно сказать, что я вынуждена уделять внимание внешним связям, потому что это защитный барьер для редакции. Все равно что «железный купол» для Израиля.
К примеру, прежний мэр любил доводить меня, говоря: «Зачем мне твоя газета? Мы — город Росатома. Как Росатом скажет — так и будет». Помню, как

однажды не выдержала и разревелась прямо у него в кабинете. А потом взяла себя в руки и поехала в Москву — налаживать коммуникации.
Сегодня люди в Росатоме, отвечающие за коммуникации со СМИ, — друзья нашей газеты, ставят нас в пример другим городам и, если что, надеюсь, не дадут нас в обиду.

ЗАСОСАЛИ СЕТИ

Социальные сети — важная часть нашей работы, куда без них. Но нынешние мессенджеры мне нравятся гораздо меньше прежних, поэтому я периодически пропадаю со своей личной страницы ВК.
Мне кажется, эта площадка не создана для дискуссий, экспертных мнений. Поэтому больше читаю «телегу», но и она не совсем удобный формат.
Наверное, если бы ВК не был для «Нейвы» активной площадкой, меня бы в этом мессенджере не было совсем. А так, как и все, постоянно сижу в телефоне: мониторю, администрирую, комментирую в редакционных социальных сетях, периодически едва сдерживаясь не послать некоторых к чертовой матери.
С задачей не послать в редакции справляются не все, поэтому ряд сотрудников находятся в счастливом состоянии цифрового детокса. Некоторые были отправлены туда редактором насильственным путем.
Искренне не понимаю, почему формат ВК слабо контролируется системой, если уж она пытается сделать его основной площадкой медиапотребления в интернете.
Ряд групп реально становятся большой помойкой, в которую вынуждены приходить те, кто не нашел себя после закрытия других свободных ресурсов, но при этом не готов читать официальные СМИ.
Возможно, это сознательная канализация негативных настроений, но общество от этого только проигрывает.

ВЫГОНЯТ ИЗ РЕДАКТОРОВ — ПОЙДУ НА ФЕЛЬДШЕРА

С чувством юмора у меня нормально, и я не прочь посмеяться над собой, если предоставляется такая возможность. Хотя раньше смеялась больше, к сожалению. Наверное, сегодня пошла такая жизнь

(грустный смайлик). Периодические усталость и потеря энергии сегодня, возможно, не только моя проблема.
Поэтому задача — не выгореть, что в медиа проще простого. Учусь восстанавливать силы в ежедневном режиме.
Помогают путешествия, спортзал и молитва. Я — верующий человек, и всегда прошу у Сергия Радонежского, основателя Троице-Сергиевой пустыни, «помочь мне в моем хозяйстве». Так прям и прошу. Редакция — хоть и маленькое, но хозяйство. А преподобный Сергий знал в этом толк.
Ну а когда в спортзале своей дохлой фигурой тягаешь гири, тут уж точно больше ни о чем не думаешь, да и тренер не даст.
Я, конечно, поначалу, по привычке, попыталась управлять и тренером, но он мне вежливо предложил заткнуться и делегировать ему эти полномочия, что я с большой радостью и делаю уже третий месяц...
— Ты все еще автобиографию пишешь? — спросил меня муж, заглянув в комнату. — Ты думаешь, это кто-то будет читать?
Пожалуй. Пожалуй, на этом я поставлю точку. Поскольку есть опасения в справедливости поставленного им вопроса.

P.S. А мечта у меня все-таки есть. Когда меня выгонят из редакторов, пойду учиться на медсестру или фельдшера. Попытка подать документы на вечернее в медучилище разбились о необходимость ежедневного посещения лекций. А мне с моим хозяйством это пока совсем никак.

&